Владыка Марса

Автор:
Эдгар Берроуз

Владыка Марса

Эдгар Райс Берроуз

Марсианин Джон Картер #3

Эдгар Берроуз

Владыка Марса

1. На реке Исс

В тени леса, окаймляющего багряную поляну долины Дор, на берегу мертвого озера Корус, при переменном свете быстро бегущих лун Марса, я крался следом за темной фигурой, пробирающейся вперед. Настойчивость, с которой выслеживаемый мною человек избегал света и выбирал темные места, указывала на его недобрые намерения. Уже в продолжение шести долгих марсианских месяцев бродил я по соседству с ненавистным мне храмом Солнца, в медленно вращающемся корпусе которого, глубоко под поверхностью Марса, оставалась заточенной моя Дея Торис. Живая или мертвая? – этого я не знал. Поразил ли кинжал злобной Файдоры сердце моей возлюбленной? Только время могло раскрыть истину.

Шестьсот восемьдесят семь марсианских дней пройдет, прежде чем дверь темницы окажется против конца тоннеля, где я последний раз видел сквозь все сужавшуюся щель свою прекрасную Дею Торис.

Половина этого срока уже истекла, или, вернее, истечет утром. Однако перед глазами стоит последняя сцена так ярко, как будто это случилось вчера.

Живо вижу я перед собой красивое лицо Файдоры, дочери Матаи Шанга, перекошенное ненавистью, в ту минуту, когда она с поднятым кинжалом бросилась на мою жену. Вижу красную девушку Тувию из Птарса, бросившуюся вперед, чтобы предотвратить злодеяние.

Дым пылающего храма скрыл на минуту картину трагедии, но в моих ушах еще звучал чей-то пронзительный крик. Затем наступило молчание, а когда дым рассеялся, вращающийся храм уже скрыл от нас комнату с тремя прекрасными женщинами.

Много важных событий поглотили мое внимание после этого страшного случая, но он ни на миг не изглаживался из моей памяти. Я проводил каждую минуту, которую смог урвать от своих многочисленных обязанностей, вблизи мрачного склепа, где томилась мать моего Карториса.

Работы у меня было много. Мне приходилось принимать участие в переустройстве государства перворожденных после того, как мы победили их на суше, на воде и в воздухе.

Раса перворожденных в продолжение многих веков поклонялась Иссе, считая ее богиней жизни и смерти. После моего изобличения ее в обмане и лжи, народ чернокожих оказался в состоянии полнейшего упадка. Привыкшим к самопоклонению и владычеству над всеми расами Марса, перворожденным пришлось испить горькую чашу унижения.

Божество их пало, а вместе с ним пал весь сложный организм их религии. Их хваленый флот был разбит наголову превосходящими силами красных людей Гелиума, дикие свирепые зеленые кочевники с пересохшего морского дна Марса затоптали священные сады храма Иссы, а Тарс Таркас, джеддак тарков, самый свирепый из них всех, воссел на трон Иссы и правил перворожденными, пока союзники решали судьбу побежденного народа.

Почти единодушно было выражено пожелание, чтобы на древний трон черных людей вступил я, но я не согласился. Мое сердце не лежало к народу, который так недостойно обошелся с моими женой и сыном.

По моему совету джеддаком перворожденных стал мой друг Ксодар. Он сам был перворожденный и занимал высокое положение датора до того времени, пока Исса его разжаловала. Более подходящего человека найти было трудно.

После основания нового государства зеленые воины рассеялись по своим пустынным равнинам, а мы, гелиумцы, вернулись в нашу страну. Здесь мне снова был предложен трон, потому что об исчезнувших джеддаке Гелиума Тардос Морсе и его сыне Морсе Каяке, отце Деи Торис, по-прежнему не было никаких вестей.

Прошло уже больше года, как они отправились в экспедицию к северному полюсу в поисках Карториса.

Шли смутные слухи об их гибели, и опечаленный народ наконец им поверил.

Но я опять отказался от трона, потому что не хотел верить, что могучий Тардос Морс и его сын умерли.

– Пусть правит вами их потомок, пока они не вернутся! – сказал я собравшимся сановникам.

Я стоял в это время у пьедестала «Правды» в храме Возмездия на том самом месте, где стоял год тому назад, когда Зат Аррас произнес мне смертный приговор.

Выступив вперед, я положил свою руку на плечо Карториса.

Единодушные крики восторга встретили мое предложение. Десять тысяч мечей взвились над головами собравшихся. Славные бойцы древнего Гелиума приветствовали Карториса, джеддака Гелиума.

Он был избран пожизненно, или до возвращения своего деда. Устроив таким образом, к общему удовлетворению, дела Гелиума, я на следующий же день пустился в обратный путь к долине Дор, чтобы оставаться вблизи храма Солнца до того дня, когда откроется дверь в темницу моей возлюбленной.

Хор Вастуса, Кантос Кана и других моих верных друзей я оставил с Карторисом. Своей честностью, смелостью и мудростью они могли помочь моему мальчику выполнить трудную задачу, которая была на него возложена. Один Вула, мой марсианский пес, сопровождал меня.

Этой ночью верное животное бесшумно следовало за мной. Величиной с шотландского пони, с безобразной головой и страшными клыками, с десятью короткими сильными лапами, Вула казался ужасным чудовищем, но для меня он был воплощением преданности и любви.

Темная фигура, двигавшаяся впереди нас, был Турид, датор перворожденных. Я заслужил его вечную вражду в тот день, когда голыми руками победил его – его, знаменитого воина и силача! – и, верх позора, связал ему руки его же собственным ремнем перед лицом соплеменников.

Подобно большинству его товарищей, он внешне примирился с изменившимся положением вещей и присягнул новому правителю, Ксодару. Но я знал, как он ненавидел меня, и был уверен, что в глубине души он завидовал Ксодару и ненавидел также и его.

Поэтому я не переставал тайно следить за всеми его действиями и, наконец, убедился, что он замышляет какую-то интригу.

Несколько раз я уже замечал, что после наступления темноты он пробирается из обнесенного стеной города перворожденных в страшную долину Дор, куда честное дело не могло привлечь человека.

Этой ночью он быстро шел вдоль опушки леса, а потом свернул на ярко-красную поляну к берегу мертвого озера. Лучи ближнего месяца, низко плывущего над долиной, переливались многоцветными искрами на драгоценных камнях его доспехов, а его черная кожа отливала, как атлас. Дважды озирался он на лес, как злоумышленник, который хочет удостовериться, что его никто не видит.

Я не отважился следовать за ним по открытой, ярко освещенной луной, поляне. Не следовало нарушать его планов: чтобы узнать, какое темное дело влечет сюда ночного хищника, мне нужно было, чтобы он спокойно достиг своей цели.

Я оставался в тени деревьев, пока Турид не скрылся за крутым берегом озера в четверти мили от меня. Только тогда я пустился бегом через поляну вслед за черным датором.

Могильная тишина лежала над таинственной долиной. Вдали могучей стеной вздымались Золотые Скалы. Драгоценный металл, из которого они состояли, сверкал в ярком свете обеих лун.

Позади меня темной полосой тянулся лес, имевший вид парка благодаря своим как бы подстриженным деревьям. На самом деле их общипывали растительные люди.

Передо мной блестело озеро Корус, а дальше вилась серебряная лента таинственной реки Исс, вытекающей из-под Золотых скал и несущей свои воды в Корус, к мрачным берегам которого в течение стольких веков тянулись вереницы несчастных обманутых паломников.

Растительные люди с их отвратительными руками, высасывающими кровь, и чудовищные белые обезьяны, делающие столь опасной днем долину Дор, ночью попрятались в свои логовища.

Сторожевой святых жрецов не стоял больше на выступе Золотой Скалы, чтобы зловещим криком созывать чудовищ к нападению на жертвы, приплывающие к ним по реке Исс.

Флоты Гелиума и перворожденные очистили от жрецов крепости и храмы после того, как те отказались сдаться и добровольно признать новый порядок, которым уничтожалась их религия, построенная на лжи и обмане.

Жрецы сохранили свое влияние только в некоторых дальних странах. Сам Матаи Шанг, отец святых жрецов, их хеккадор, был выгнан из своего храма, но все усилия захватить его оказались напрасными. Ему удалось бежать с несколькими приверженцами и где-то укрыться от нас.

Подойдя осторожно к краю низкой скалы, выступающей над мертвым озером Корус, я увидел Турида, плывущего на маленьком челноке по блестевшим водам озера. Это был один из тех челноков причудливой формы, которые с незапамятных времен изготовлялись жрецами. Они распределяли их вдоль всего

течения Иссы, чтобы облегчить последнее путешествие своих несчастных жертв.

На берегу лежало еще с дюжину таких лодочек; в каждой из них имелся длинный шест, один конец которого заканчивался веслом, а другой – острием. Турид держался берега, и как только он скрылся за ближним мысом, я спустил один из челноков на воду и, подозвав Вулу, оттолкнулся от берега.

Мы шли вдоль берега к устью Иссы. Дальняя луна светила у самого горизонта, и скалы, окаймляющие озеро, бросали на воду широкую полосу тени. Ближняя луна, Турия, только что закатилась и должна была взойти снова не раньше, чем часа через четыре; я вполне мог рассчитывать скрыться в темноте.

Черный воин продолжал плыть вперед. Он находился теперь против устья Иссы. Не останавливаясь, он повернул вверх по мрачной реке, усиленно гребя против течения и все время стараясь держаться берега, где течение было не так сильно.

За ним следовал я с Вулой. Черный был так занят борьбой с течением, что я смог подвинуться ближе, не боясь быть замеченным.

Вскоре он подплыл к темному отверстию в Золотых скалах, откуда вытекала вода. Сюда-то он и направил свою лодку.

Казалось безнадежным делом следовать за ним в эту беспросветную тьму, где я не мог увидеть даже собственной руки. Я уже собрался отказаться от преследования и повернуть обратно, как вдруг при неожиданном повороте увидел впереди слабое сияние.

В сводчатый потолок пещеры были вделаны большие куски фосфорической каменной массы, из которой лился тусклый, но ровный свет. Было достаточно светло, чтобы я без затруднения мог следовать за преследуемым мною челном.

Это было мое первое путешествие по реке Исс, и то, что я увидел, навеки запечатлелось в моей памяти.

Но, как ни страшны были проходившие передо мною картины, они являлись, вероятно, только слабым отражением тех трагедий, которые разыгрались здесь

до того, как Тарс Таркас, Ксодар и я разоблачили «прелести» долины «мира, счастья и любви» и спасли от добровольного паломничества миллионы людей внешнего мира.

Даже теперь низкие острова, усеивавшие широкую реку, были завалены скелетами и изглоданными трупами тех, которые из страха или предчувствия истины останавливались здесь, почти у конца своего путешествия. Бродили какие-то жалкие тени, которых ждала голодная смерть.

Почти на всех этих зловонных островах визжали, бормотали и дрались одичалые безумцы и яростно боролись за жалкие остатки страшного угощения. Там, где оставались только обглоданные кости, люди бились друг с другом, и более слабый служил пищей более сильному.

Турид, видимо, привык к этим сценам. Он не обращал ни малейшего внимания на жалкие воющие существа, которые обращались к нему то с угрозами, то с мольбой, и продолжал спокойно подниматься по реке. Проехав с милю, он переплыл к левому берегу и втащил свой челн на нижний выступ, лежащий почти на одном уровне с водой.

Я остановился у противоположной стены под свисающей скалой, бросающей густую тень на воду. Отсюда я мог следить за Туридом, не боясь быть замеченным.

Чернокожий стоял на выступе у лодки недалеко от меня и смотрел вверх по реке, как бы ожидая кого-то.

Сильное течение все время относило мой челн к середине реки, так что я с трудом удерживался в тени скал. Я отплыл немного дальше, думая найти удобное место, где мог бы причалить. Но места такого не было, и, боясь потерять из вида Турида, я принужден был остаться там, стараясь веслом удержать лодку, которую сильно сносило.

Я раздумывал о причине этого странного явления, когда мое внимание внезапно было привлечено Туридом. Он приподнял обе руки над головой – это был жест обычного марсианского приветствия – и тихо, но внятно проговорил: «Каор».

Я обернулся в сторону, куда он смотрел, и увидел длинную ладью, в которой сидело шесть человек. Пятеро из них гребли, а шестой – очевидно, главный – восседал на корме, богато украшенной дорогими шелками.

Белая кожа, развевающиеся желтые парики, прикрывающие голые черепа, роскошные диадемы в виде золотых обручей – все это указывало на то, что это были святые жрецы.

Когда они подъехали к выступу, где их ожидал Турид, тот, который сидел на корме, встал, чтобы выйти на берег, и я увидел, что это был никто иной, как Матаи Шанг, отец жрецов.

Сердечность, с которой он обменялся приветствиями с датором перворожденных, вызвала во мне изумление.

Черные и белые люди Барсума – извечные враги, и никогда не видел я до этой минуты, чтобы двое из них встречались иначе, как в бою.

Очевидно, результатом превратностей судьбы, испытанных обоими народами, был тайный союз между этими двумя людьми, – союз против ненавистного общего врага. Теперь я понял, почему Турид так часто отправлялся по ночам в долину Дор, понял, что дело его очень близко касается меня и моих друзей.

Как мне хотелось быть поближе к заговорщикам, чтобы услышать их разговор! Но о переправе через реку нечего было и думать, и потому я продолжал спокойно оставаться на своем месте, лишь издали следя за ними. Они и не предполагали, как близко от них находится их враг и как легко они могли бы его убить!

Несколько раз Турид рукой указывал в мою сторону, но не думаю, что его жесты имели какое-то отношение ко мне. Вскоре он и Матаи Шанг вошли в большую лодку, которая, повернувшись кругом, поплыла в моем направлении.

По мере их приближения я двигал мой челн все дальше и дальше к крутому берегу, но вскоре стало очевидно, что их лодка держится того же курса. Она шла с такой быстротой, что мне пришлось налечь на весла.

Каждую минуту я ожидал, что нос моей лодки ударится о береговую скалу, но ее все еще не было видно. Вместо того чтобы вступить в полосу непроглядной тьмы, передо мною забрезжил свет.

Тогда я наконец понял, что плыву по подпочвенной реке, которая вливалась в реку Исс как раз в том месте, где я прятался.

Ладья была совсем близко от меня. Правда, шум их весел заглушал плеск моего весла, но каждую минуту меня могли заметить с лодки.

Я повернул свой челн направо и остановился у скалистого берега. Матаи Шанг и Турид приближались, держась середины реки.

Когда они подплыли ближе, до меня донеслись их голоса:

– Я уверяю тебя, жрец, – вкрадчиво проговорил черный датор, – что желаю только отомстить Джону Картеру, принцу Гелиума. Никакой ловушки для тебя тут нет. Что мне от того, что я выдам тебя тем, кто разорил мой народ и меня?

– Хорошо! Остановимся здесь! Говори мне свой план, – сказал хеккадор. – Мы вместе обсудим наши действия и взаимные обязательства.

Гребцам был отдан приказ причалить к берегу, и их лодка встала в десяти шагах от того места, где я находился.

Если бы они остановились ниже, они, конечно, увидели бы меня из-за света. Но теперь я был в такой же безопасности, как если бы нас отделяли несколько миль.

Те фразы, которые я услышал, разожгли мое любопытство. Я жаждал узнать, какую месть замышляет Турид против меня, и слушал с напряженным вниманием.

– Ни о каких обязательствах не может быть и речи, святой отец, – продолжал перворожденный. – Туриду, датору Иссы, не нужно награды. Когда дело будет сделано, я буду рад, если при твоем содействии буду принят, как подобает моему древнему роду и высокому положению, при дворе какого-нибудь народа,

еще оставшегося верным твоей религии. Я не смогу вернуться в долину Дор или в другое место, которое находится под властью Гелиума. Впрочем, я не требую даже этого – все будет зависеть от твоего желания!

– То, что ты просишь, будет исполнено, датор, – ответил ему Матаи Шанг. – Но это еще не все. Я не пожалею для тебя никаких богатств, если ты вернешь мне мою дочь Файдору и передашь в мои руки Дею Торис, принцессу Гелиума.

– О! – продолжал он со злобной усмешкой, – пусть человек Земли искупит все оскорбления, которые навлек на святая святых! Самые гнусные пытки не будут достаточные для его жены. Если бы только я мог заставить его быть свидетелем унижения и позора его краснокожей!

– Скажи только слово, – и она будет в твоей власти, раньше, чем пройдет день, – промолвил Турид.

– Я слышал о храме Солнца, датор, – ответил Матаи Шанг, – но никогда не слышал, чтобы пленников освобождали бы раньше, чем пройдет назначенное для них время. Как же сможешь ты выполнить невозможное?

– В каждую комнату храма Солнца есть доступ в любое время, – ответил Турид. – Только Исса знала это, но не в ее интересах было раскрывать свои тайны. Случайно после ее смерти мне попался в руки старинный план храма, и на нем было подробно написано, как пройти в камеры. В прошлом многие люди проходили туда по поручению Иссы, чтобы принести пленникам смерть или мучения. Но те, которые узнавали секретные ходы, таинственно умирали, еле успев вернуться и доложить об исполнении ее приказа.

– В таком случае, будем действовать! – воскликнул после некоторого молчания Матаи Шанг. – Я доверяюсь тебе, но помни, что нас шестеро против тебя одного!

– Я не боюсь, – ответил Турид. – Наша ненависть к общему врагу – достаточная гарантия для честного отношения друг к другу, а после того, как мы расправимся с Деей Торис, станет еще более необходимым поддерживать наш союз, если только я не ошибаюсь в характере ее мужа!

После этого краткого разговора Матаи Шанг сделал знак гребцам, и лодка медленно двинулась вверх по притоку.

Я с трудом удержался, чтобы не броситься на них и не убить гнусных заговорщиков. Но понял все безумие подобного поступка: я убил бы единственного человека, который мог указать путь к темнице Деи Торис раньше, чем длинный марсианский год завершит свой бесконечный круг.

Если Турид может провести Матаи Шанга в неприступные камеры храма Солнца, то он проведет туда и Джона Картера, джеда Гелиума!

Тихо, едва касаясь воды веслом, следовал я за большой лодкой.

2. Под горами

Река, по которой мы плыли, вытекала из глубин горы Оц, проходила под Золотыми Скалами и несла свои темные воды в мрачную Исс. Слабый свет, еле брезживший впереди нас, делался все сильнее и сильнее и, наконец, превратился в сияние.

Река расширилась и приняла вид озера, сводчатый потолок, которого, освещенный фосфорическими скалами, сверкал алмазами, сапфирами, рубинами и всеми бесчисленными безымянными камнями Барсума. За освещенным озером стоял густой мрак. Что скрывалось за ним, я не мог догадаться.

Непосредственно следовать за лодкой жрецов и пересечь освещенные воды – было бы страшной неосторожностью. Поэтому, как ни боялся я хотя бы на минуту выпустить Турида из вида, я вынужден был переждать в тени, пока большая лодка не достигнет противоположного берега. Только тогда я поплыл по блестящей поверхности озера в том же направлении.

Этот переезд казался мне вечностью. Наконец я достиг верхнего конца озера и увидел, что река протекает через круглое отверстие в основании скалы. Оно было так низко, что я должен был приказать Вуле улечься на дно челнока, а сам согнуться в три погибели, чтобы не удариться головой о скалу.

За входом потолок стал снова подниматься, но путь уже не был так ярко освещен, как на озере. Небольшие куски фосфорического камня, рассеянные

кое-где, излучали слабое сияние. Я попал в небольшую пещеру, в которую река втекала через три сводчатых отверстия.

Турида и жрецов нигде не было видно. В каком из этих темных отверстий они исчезли? Я не мог этого установить никак, и потому наобум выбрал центральное отверстие.

Путь шел теперь в полнейшем мраке. Поток был извилистый и узкий, такой узкий, что я постоянно натыкался то на одну, то на другую скалистую стену.

Далеко впереди себя я услышал глухой рев, который усиливался по мере моего продвижения вперед и перешел в оглушительный грохот, когда я выплыл из-за крутого поворота.

Прямо передо мной, с высоты нескольких сот футов, река низвергалась могучим водопадом, заполняя собой все низкое ущелье. О! Этот оглушительный рев падающей воды, отдающий грохотом в скалистой подземной пещере! Даже если бы водопад не преграждал мне дороги и не указывал, что я на ложном пути, мне кажется, что я убежал бы от этого адского шума!

Турид и жрецы не могли проплыть этой дорогой. Я потерял их след, и они теперь настолько опередили меня, что я не смогу настигнуть их вовремя, если вообще буду в состоянии их разыскать!

Мое путешествие вверх по потоку заняло уже несколько часов; потребуется еще несколько часов для возвращения обратно, хотя по течению путь, конечно, будет намного быстрее.

Со вздохом повернул я челн вниз по потоку и помчался по узкому извилистому каналу, пока не достиг пещеры, в которую река вливалась тремя рукавами.

Оставалось еще два неисследованных пути. И снова я не знал, какой из них выбрать, какой приведет меня на след заговорщиков. Насколько я себя помню, никогда в своей жизни не страдал я так от нерешительности, как в эту минуту!

Часы, которые я потерял, могли решить судьбу моей Деи Торис, если вообще она еще жива. Потратить еще часы, а может быть, дни на бесполезные исследования

другого неверного пути! Новая ошибка, без сомнения, будет иметь роковые последствия.

Я несколько раз проникал в правое отверстие и вновь возвращался обратно. Как будто какое-то чутье предостерегало меня на этом пути. Наконец я решил остановить свой выбор на левом канале. Однако перед тем как повернуть лодку, я бросил последний нерешительный взгляд на темные воды, вытекающие из-под правого свода.

И тут я увидел, как из темноты канала потоком вынесло скорлупу большого сочного плода сорапуса.

Я едва сдержал громкий крик радости при виде этого молчаливого и безразличного вестника, проплывавшего мимо меня. Теперь я знал, что впереди меня на том же потоке должны быть марсиане! Кто-то ел чудесный плод и выбросил скорлупу за борт. Это могла быть только та компания, которую я искал!

Отбросив всякую мысль о левом проходе, я уверенно повернул направо. Поток вскоре расширился. Попадались фосфорические скалы, которые освещали мне путь.

Я очень спешил, потому что почти на день отстал от тех, кого преследовал. Вула и я не ели с предыдущего дня. Что касается Вула, то это не имело особого значения: все животные Марса, родина которых – высохшее дно моря, могут невероятно долго обходиться без пищи.

Я тоже не особенно страдал. Вода реки была холодная, вкусная и не зараженная разлагающимися трупами, подобно водам реки Исс. А что касается пищи, то одна мысль о том, что я нахожусь вблизи моей любимой Деи Торис, не давала мне думать ни о чем другом.

Река становилась все уже, а течение – все быстрее и бурливее, так что я с трудом мог проталкивать лодку вперед. Думаю, что сделал не более двухсот футов в час, когда при повороте увидел перед собой пороги, через которые, бурлясь и пенясь, перекатывалась река!

Сердце мое похолодело. Ореховая скорлупа сорапуса обманула меня. Мое внутреннее чутье было правильнее. Мне следовало выбрать левый канал!

Будь я женщиной, я бы заплакал. По правую руку от меня медленно вращался большой водоворот. Я пустил в него свой челнок, чтобы дать хоть немного отдохнуть моим усталым мускулам. Я был совсем убит. Снова нужно было потерять полдня, чтобы вернуться назад и поплыть по единственному оставшемуся неисследованному каналу! Какая дьявольская судьба заставила меня выбрать из трех возможных путей два неправильных?!

В то время как медленное течение тихо несло меня по периферии водоворота, мой челн дважды ударился о скалистый берег. Когда он ударился опять, то звук от толчка получился другой – это был звук удара дерева о дерево.

Я встрепенулся… В этой подпочвенной реке не могло быть дерева, кроме того, которое было принесено сюда людьми. Я протянул руку за борт, и пальцы мои нащупали борт другого судна.

Я окаменел, напряженно всматриваясь в темноту, стараясь разглядеть, занята ли лодка.

Возможно, что в лодке находились люди, которые не догадывались о моем присутствии… Лодка ударялась одной стороной о береговые скалы, и мягкий удар моего челнока мог пройти незамеченным.

Было так темно, что, несмотря на все мои старания, я не мог ничего разглядеть. Мне почудился было звук дыхания; я начал прислушиваться, но нет, кроме шума воды и мягкого трения лодок, но не расслышал ни единого звука. По обыкновению, у меня очень быстро созрел план действий.

На дне моего челна лежала свернутая веревка. Я ее поднял, привязал одним концом к бронзовому кольцу на носу моего челнока и осторожно перелез в соседнюю лодку. В одной руке я держал веревку, в другой меч.

Лодка слегка качнулась под моей тяжестью, удар моего челна об ее борт мог вызвать тревогу пассажиров, если таковые были. Но все было тихо, и, минуту спустя, обыскав лодку от носа до кормы, я нашел, что она была пуста.

Я ощупал руками скалу, у которой она была привязана, и нашел узкий выступ. Это была дорога! По ней, вероятно, должны были пройти те, которые приезжали до меня. По размеру и строению лодки я был убежден, что это была лодка Турида и жрецов.

Позвав Вулу, я вступил на выступ. Большое дикое животное с ловкостью кошки прыгнуло за мной.

Проходя через лодку, принадлежащую Туриду и жрецам, Вула издал глухое рычание, а когда он подошел ко мне, и я положил на его шею руку, то почувствовал, как его короткая грива ощетинилась от злобы. Мне кажется, он телепатически почувствовал присутствие врага, потому что я до сих пор не делал никаких попыток объяснить ему цель наших поисков.

Это было упущение, которое следовало исправить. По способу зеленых марсиан я объяснил своему псу то внушением, то словами, что мы выслеживаем людей, занимавших недавно большую лодку.

Легкое мурлыканье указало мне, что Вула понял меня. Я повернул направо, но едва успел сделать это, как почувствовал, что он потянул меня в противоположном направлении, я последовал за ним.

Я знал, что Вула был прекрасной ищейкой и вряд ли ошибался.

Сквозь полный мрак вел он меня вдоль узкого уступа над бурным потоком.

Мы вышли из-под нависших скал, и при тусклом свете я увидел, что тропинка была выбита в массиве скалы, и, что она вела вдоль реки за пороги.

Более часа двигались мы по берегу темной речки. Судя по направлению, я догадался, что мы шли под долиной Дор, а может быть, под морем Омии. Теперь, вероятно, я был недалеко от храма Солнца.

Едва эта мысль пришла мне в голову, как Вула внезапно остановился у сводчатого прохода в скале, отполз от входа и притаился в расщелине.

Слова не смогли бы сказать мне яснее, что где-то поблизости нас подстерегает опасность. Я осторожно подполз к Вуле и поверх его головы заглянул в отверстие.

Передо мной оказалось просторное помещение, которое, судя по обстановке, служило сторожевой комнатой. В одном углу стояли ружейные козлы, а вдоль стен разместились нары для воинов. В помещении находились только два жреца из тех, которые были с Туридом и Матаи Шангом.

Жрецы были заняты серьезным разговором, и по тону его было видно, что они совершенно не подозревают, что их могут подслушать.

– Я тебе говорю, – проговорил один из них, – что не доверяю этому черномазому. Не было никакой необходимости оставлять нас здесь, якобы для того, чтобы охранять путь. Против кого, скажи на милость, охранять нам эту давно забытую подпочвенную тропинку? Поверь, это – просто хитрость с его стороны, чтобы разделить нас. Потом он уговорит Матаи Шанга оставить других где-нибудь, тоже под тем или иным предлогом, а потом нападет на нас со своими товарищами и перебьет всех нас.

– Я согласен с тобой, Лакор, – ответил другой. – Между жрецами и перворожденными не может быть ничего, кроме ненависти и измен. А что думаешь ты обо всей этой сказке со светом?

«Пусть, – говорит, – свет горит с силой трех радиоединиц в продолжение пятидесяти секунд, а затем в продолжение одной минуты с силой одной радиоединицы, и, наконец, в продолжение двадцати пяти секунд с силой девяти радиоединиц».

Вот в точности, что он сказал. И подумать только, что старый мудрый Матаи Шанг слушал такую чепуху!

– Действительно это глупо, – ответил Лакор. – Разве таким способом что-нибудь откроешь? Должен же был он что-нибудь ответить, когда Матаи Шанг напрямик спросил его, что он сделает, когда дойдет до храма Солнца. Вот он и выдумал наскоро какой-нибудь ответ. Бьюсь об заклад диадемой хеккадора, что сам он не в состоянии, был бы повторить снова слова.

– Чего нам здесь оставаться, Лакор? – проговорил другой жрец. – Может быть, если бы мы поспешили за ними, то успели бы спасти Матаи Шанга и отомстить черному датору. Как ты думаешь?

– Никогда за всю свою долгую жизнь, – ответил Лакор, – я не ослушался ни одного приказа отца святых жрецов. Если он не вернется и не прикажет мне покинуть пост, я умру здесь на месте.

Товарищ его покачал головой.

– Я твой подчиненный, – промолвил он наконец, – и ничего не могу сделать без твоего согласия. Но все же я думаю, что мы совершаем большую глупость, оставаясь здесь.

Я тоже считал, что они делают глупость, потому, что мне нужно было пройти через комнату, в которой они находились. Я не имел причин питать особую нежность к этой расе самообожествляющих себя демонов. Однако охотно прошел бы мимо них, не причинив им вреда, будь это возможно.

Во всяком случае, следовало попробовать пройти мирным путем. Борьба могла задержать меня или даже положить конец моим поискам: лучшие люди, нежели я, бывали иногда побеждены бойцами меньшей боевой способности, чем жрецы.

Дав знак Вуле следовать за мной, я решительно шагнул в комнату и очутился пред обоими жрецами. При виде меня они обнажили мечи, но я знаком руки остановил их.

– Я ищу Турида, черного датора, – сказал я. – У меня с ним счеты, а не с вами. Дайте мне мирно пройти, потому что, если я не ошибаюсь, он такой же враг вам, как и мне, и у вас нет причин его защищать.

Они опустили мечи, и Лакор заговорил:

– Я не знаю, кто ты такой. У тебя белая кожа жреца и черные волосы перворожденных. Если бы дело шло только о безопасности Турида, ты мог бы пройти, и мы бы тебе не помешали. Скажи нам, кто ты и по чьему поручению ты здесь? Может быть, тогда мы пропустим тебя исполнить свой долг, который и

сами хотели бы совершить.

Я был поражен, что никто из них не узнал меня. Я думал, что был известен каждому жрецу на Барсуме лично или понаслышке и что я буду немедленно опознан в любой части планеты. Действительно, я был единственным белым человеком на Марсе с черными волосами и с серыми глазами – за исключением моего сына Карториса.

Объявить свое имя означало бы вызвать немедленное нападение: каждый жрец на Барсуме был моим тайным врагом, потому что каждый из них знал, что именно мне обязаны они падением своей вековой власти над душами. С другой стороны, моя репутация исключительного бойца могла заставить их пропустить меня.

По правде сказать, я не обманывал себя этой последней возможностью. На воинственном Марсе нет трусов: всякий – будь он джеддак, жрец или простой смертный – гордится каждым поединком, каждым сражением. А потому я крепче обхватил рукоятку меча, когда обратился к Лакору.

– Я думаю, вы сами поймете, что разумнее пропустить меня с миром, – сказал я. – Если вы вступите со мной в борьбу, это ничего не принесет вам. Вы умрете бесславной смертью в глубине Барсума, а для чего спрашивается? Чтобы защитить наследственного врага вашей нации Турида, датора перворожденных! А то, что вы умрете, если вздумаете противиться мне, этому порукой бесчисленные трупы великих барсумских воинов, павших от этого меча. Я – Джон Картер, принц Гелиума!

В первую минуту это имя, казалось, парализовало жрецов, а затем младший с громкими проклятиями кинулся на меня с обнаженным мечом.

Во время наших переговоров он стоял немного впереди своего товарища, и теперь Лакор схватил его за пояс и оттащил назад.

– Стой! – прогремел Лакор. – У нас будет достаточно времени для боя, если мы вообще найдем нужным сражаться. Конечно, достаточно причин, чтобы каждый жрец на Барсуме жаждал пролить кровь богохульника и святотатца, но не дадим омрачить наш рассудок ненавистью. Джон Картер хочет сейчас исполнить то, что мы сами за минуту до этого желали сделать. Так пусть же он идет убить

черного. Мы будем ждать его здесь, чтобы преградить ему путь обратно. Мы освободимся таким образом сразу от двух врагов и вместе с тем не нарушим приказа отца святых жрецов.

Пока как он говорил, я не мог не заметить коварного выражения его глаз и, несмотря на видимую логичность его рассуждении, бессознательно чувствовал, что его слова маскируют какие-то мрачные намерения. Второй жрец повернулся к нему, видимо, пораженный, но Лакор шепнул ему что-то на ухо, и он, кивнув, спокойно отошел в сторону.

– Иди, Джон Картер, – сказал Лакор. – Но знай, что если Турид тебя не уложит, то здесь тебя будут ждать двое, которые сделают все, чтобы ты никогда больше не увидел света солнца. Иди!

Во время нашего разговора Вула ощетинился, рычал и терся об меня. Иногда он заглядывал мне в глаза и умоляюще выл, как бы прося позволения броситься на врагов. Он тоже чувствовал коварство за гладкой речью жреца.

В задней части комнаты было несколько дверей, и на одну из них, крайнюю справа, указал Лакор.

– Эта дорога ведет к Туриду, – сказал он.

Но, когда я подозвал Вулу, чтобы отправиться указанным путем, умное животное принялось выть и не двигалось с места. Затем оно быстро перебежало к первой двери налево, остановилось и начало лаять, как бы приглашая меня за ним последовать.

Я пытливо посмотрел на Лакора и сказал ему:

– Мой пес редко ошибается. Я, конечно, не сомневаюсь в твоей осведомленности, но все же думаю, что будет лучше, если я послушаюсь не тебя, а инстинкта моего пса, которым руководит преданность. – При этих словах я усмехнулся, чтобы он знал, что я не доверяю ему.

– Как хочешь, – ответил он, пожав плечами. – В конце концов это то же самое!

Я повернулся и последовал за Вулой в левый проход, чутко прислушиваясь, не преследуют ли меня жрецы, но все было тихо.

Коридор тускло освещался редкими радиолампами – самыми обычными осветительными приборами на всем Барсуме.

Лампочки, которые я видел, горели, быть может, в этих подпочвенных проходах уже в продолжение многих веков; они не требовали никакого ухода и устроены были так, что расходуется минимальное количество энергии.

Скоро нам стали попадаться поперечные коридоры, но Вула ни разу не колебался в выборе пути. Из одного из этих боковых проходов до меня вскоре донесся звук, значение которого мне сразу стало ясно. Это был металлический звон – лязганье боевых доспехов. Звук раздавался где-то недалеко от меня справа.

Вула тоже услышал его. Он остановился, ощетинился и обнажил все ряды своих блестящих клыков. Я жестом приказал ему молчать, и мы тихо отступили в другой боковой коридор.

Здесь мы остановились в ожидании. Вскоре мы увидели на полу главного коридора тени двух мужчин. Они двигались, по-видимому, очень осторожно: случайный звон, вызвавший мое внимание, больше не повторялся.

Они подошли, тихо ступая, к месту против нашей стоянки. Я ничуть не удивился, признав в них Лакора и его товарища. В правой руке каждого из них блестел хорошо отточенный меч.

– Неужели они уже опередили нас? – сказал Лакор.

– Может быть, животное повело его по неверному следу? – ответил другой. – Тот путь, по которому мы шли, гораздо короче – конечно, для того, кто его знает. Но для Джона Картера он был бы только короткой дорогой к смерти. Жалко, что он не пошел по нему, как ты ему советовал!

– Да, – сказал Лакор, – никакое умение драться не спасло бы его от вращающейся плиты! Он наверняка лежал бы теперь на дне колодца!

Проклятый калот предостерег его от той дороги.

– Ничего! Он свое еще получит, – сказал товарищ Лакора. – Ему не так-то легко будет избежать остальных ловушек, даже если удастся спастись от наших мечей.

– Много бы я дал, чтобы увидеть, например, каким образом он выкрутится, если неожиданно залезет в комнату…

Я тоже много бы дал, чтобы услышать конец разговора и чтобы знать подробнее об опасностях, ожидающих меня впереди. Но тут вмешалась судьба: в эту минуту, в самую неподходящую из всех минут, я чихнул.

3. Храм солнца

Теперь оставался только один выход – бой! На моей стороне не было никаких преимуществ. Надо же было так по-идиотски чихнуть! Когда я выскочил в коридор с мечом в руке, жрецы уже приготовились встречать меня.

Никто из нас не произнес ни слова. Да и к чему были слова?

Одно их присутствие уже ясно говорило о предательстве. Было очевидно, что они последовали за мной, чтобы тайно напасть на меня, и, конечно, увидели, что я понял их тактику.

В ту же минуту закипел бой, и хотя я ненавижу само имя жреца, я должен признать, что они отважные и сильные противники. Эти двое не оказались исключением.

Мною овладело, как всегда, радостное опьянение боя. Дважды спасся я от смертельного удара только благодаря особому проворству и ловкости моих земных мускулов. Но все же в тот день, несмотря на всю мою ловкость, я был на волосок от смерти в этом мрачном коридоре, глубоко под поверхностью Барсума.

Лакор сыграл со мной такую шутку, которой мне ни разу не приходилось видеть за всю свою боевую жизнь на обеих планетах.

Я бился в это время с другим жрецом и теснил его назад, нанося ему легкие раны, так что кровь сочилась у него из десятка мест. Но он защищался прекрасно, я никак не мог нанести ему решающий удар.

Вот тогда-то Лакор отстегнул свой пояс и, пользуясь моментом, когда я был полностью поглощен борьбой с его товарищем, закинул один конец ремня вокруг моей левой лодыжки так, что она оказалась крепко обвитой, затем быстро дернул за другой конец ремня и повалил меня на спину.

Как пантеры ринулись они тогда на мое распростертое тело. Но они рассчитали мой маневр, не учитывая Вулы. Верный пес, рыча, как тысяча дьяволов, бросился им наперерез. Представьте себе, если можете, чудовищного десятинога, вооруженного могучими когтями, с огромной пастью, в которой блестели три ряда длинных белых клыков. Потом снабдите это чудовище легкостью и свирепостью голодного бенгальского тигра, силой двух быков – и вы будете иметь слабое представление о том, что представлял собой Вула.

Раньше, чем я успел его отозвать, он раздавил Лакора в лепешку одним ударом своей могучей лапы и буквально разорвал на куски другого жреца. Однако когда я приказал ему отойти, он боязливо съежился, как провинившийся пес.

Я никогда не наказывал Вулу за все долгие годы, которые прошли с того первого дня на Марсе, когда зеленый джед тарков приставил его ко мне в качестве сторожа, но я думаю, что он безропотно снес бы всякую жестокость с моей стороны – так велика была его привязанность.

Золотой обруч с драгоценным камнем на лбу Лакора доказывал, что он был святым жрецом. По украшениям его товарища я видел, что и он достиг уже девятого цикла, непосредственно предшествующего циклу святых. Стоя над растерзанными телами жрецов, я вспомнил один случай, когда нарядился в парик, диадему и доспехи святого жреца Сатор Трога, убитого Тувией.

Мне пришло в голову, что не мешало бы и теперь воспользоваться украшениями Лакора для той же цели.

Не долго думая, я сорвал желтый парик с его лысой головы и возложил его на свою собственную. Вула не одобрил метаморфозы. Он долго обнюхивал меня и зловеще рычал.

Только когда я погладил его огромную голову и ласково поговорил с ним, он успокоился и покорно отправился со мной в путь.

Я продвигался теперь еще осторожнее; я шел все время рядом с Вулой, рассчитывая на то, что зоркость наших четырех глаз скорее усмотрит опасность. И какое счастье, что я был предупрежден!

Мы дошли до нескольких узких ступеней. Тут коридор внезапно круто заворачивал назад, а потом снова делал крутой поворот в прежнем направлении и выходил в большую, плохо освещенную пещеру. Весь пол ее оказался сплошь покрытым ядовитыми змеями и отвратительными пресмыкающимися!

Попытка пересечь пещеру повела бы к немедленной смерти. Я упал было духом, но вовремя вспомнил, что Турид и Матаи Шанг должны же были пройти через эту пещеру, и сообразил, что существует какой-то обход.

Если бы мне не повезло подслушать часть разговора жрецов, мы бы, наверное, спокойно вошли в грот и ступили в эту кишащую массу. Было бы достаточно одного шага, чтобы погибнуть.

Это были первые пресмыкающиеся, которых я встретил на Барсуме. Только в музеях Гелиума я видел окаменелые остатки вымерших, как предполагали, пород, живые экземпляры которых были у меня перед глазами.

Более отвратительного сборища чудовищ мне не приходилось видеть. Было бы бесполезно описывать их земным людям, потому что ничего общего не было у них ни с каким земным существом прошлого и настоящего времени.

Яд у них – неслыханной силы, так что, по сравнению с ними, наша кобра казалась бы безвредной, как дождевой червь.

Увидев меня, они бросились ко входу, где мы стояли, но ряд радиоламп, помещенных вдоль пещеры, заставил их остановиться. Они, очевидно, не смели

перейти через эту световую линию.

То обстоятельство, что я не встретил ни одного пресмыкающегося в коридорах, давало мне уверенность, что их удерживало.

Я оттащил Вулу немного назад и начал тщательно осматривать пещеру. Когда мои глаза освоились с тусклым светом, я различил в дальнем конце помещения низкую галерею, от которой шло несколько проходов.

Подойдя поближе к порогу, я увидел продолжение галереи и понял, что она огибает весь грот. Взглянув наверх, я, к своей радости, заметил, что над тем местом, где мы стояли, не больше фута над головой открывается вход в галерею. Я немедленно вскочил туда и позвал за собою Вулу.

В галерее пресмыкающихся не было, путь был свободен до противоположного края ужасной пещеры. Мы быстро прошли ее и благополучно спрыгнули в нижний коридор.

Минут через десять мы вошли в огромное круглое помещение, выложенное белым мрамором, стены которого были сплошь покрыты странными золотыми иероглифами перворожденных.

В середине возвышалась огромная круглая колонна, упиравшаяся в высокий купол. Посмотрев на нее, я заметил, что колонна медленно вращается. Я достиг оси храма Солнца!

Где-то надо мной находилась Дея Торис, Файдора, дочь Матаи Шанга, и Тувия, красная девушка из Птарса. Но как дойти до них – оставалось все еще неразрешимой загадкой.

Я начал медленно обходить огромную колонну, выискивая какой-нибудь вход в нее. Обойдя половину колонны, я наткнулся на небольшую радиозажигалку, лежавшую на полу. Присутствие ее в этом скрытом, почти недоступном месте, меня страшно удивило. Я поднял ее. На ней был вырезан герб дома Турида.

– «Значит, я на верном пути!» – подумал я радостно и сунул безделушку в небольшую сумку, висевшую у меня на поясе. С новым рвением принялся я

искать вход, который должен был быть где-то в колонне. Вскоре я действительно наткнулся на небольшую дверцу, так искусно вделанную в колонну, что менее внимательный наблюдатель прошел бы мимо нее.

Передо мной была дверь, которая вела внутрь темницы, но как ее открыть? Не видно было ни замка, ни кнопки. Я много раз тщательно исследовал каждый дюйм ее поверхности, но не нашел ничего, кроме крошечного отверстия почти в середине дверцы. Оно было немногим больше булавочной головки и казалось случайным повреждением мрамора.

Я старался заглянуть в эту дырочку, но никак не мог понять, проходила ли она насквозь (по крайней мере, никакого света за ней не было видно). Затем я приложил к ней ухо и прислушался: стояла полная тишина. Вула не спускал глаз с двери. Его чутью можно было довериться. Я решил окончательно удостовериться, что на нужном пути и, притворяясь, что отхожу от двери, позвал Вулу, приказав ему следовать за мной. Минуту он колебался, а затем прыгнул, визжа и дергая меня за пояс. Я отошел еще на некоторое расстояние, чтобы посмотреть, что он сделает.

Он потащил меня обратно прямо к загадочной двери и снова занял свою позицию перед гладким камнем, не отводя глаз от его блестящей поверхности. Я промучился целый час над разгадкой тайны, которая открыла бы дверь.

Я стал тщательно припоминать все обстоятельства преследования Турида. Турид пришел этой дорогой и прошел в эту дверь, которая преграждала мне путь. Но как он сделал это?

Я вспомнил о приключениях в таинственной пещере в Золотых Скалах в тот день, когда освободил Тувию. Я припомнил, как она взяла тонкий ключ, наподобие иглы и вставила его в замочную скважину, очень похожую на ту, которая была передо мной. Она открыла этой иглой дверь в таинственную комнату, где Тарс Таркас бился насмерть с дикими бенсами.

Не попробовать ли мне ввести какое-нибудь острие в маленькую дырочку в мраморной двери? Я поспешно высыпал на пол все содержимое своей сумки. Если бы только мне найти тонкую стальную проволоку!

В то время как я рассматривал разнородную коллекцию всевозможных предметов, которые всегда можно найти в сумке марсианского воина, мне попала под руку радиозажигалка черного датора. Я хотел отложить ее в сторону, как не имеющую никакого значения в данную минуту, как вдруг случайно заметил странные знаки, выцарапанные на золотом футляре.

Простое любопытство заставило меня рассмотреть поближе эти свеженацарапанные знаки, но то, что я прочел, в первую минуту ничего мне не сказало. Это были три ряда цифр, один под другим:

3 – 50 с.

1 – 1 м.

9 – 25 с.

Смысла в этих цифрах я не усмотрел и намеревался уже сунуть зажигалку обратно в сумку, когда в моей памяти отчетливо встал разговор между Лакором и его товарищем. Я вспомнил, как младший жрец, издеваясь, приводил слова Турида: «А что ты думаешь об этой странной истории со светом? Пусть свет горит с силой трех радиоединиц в продолжение пятидесяти секунд…» – ведь это первый ряд знаков на футляре!

Вся формула подходила как нельзя лучше, но что это могло означать?

Вдруг мне показалось, что я понял, и, схватив из сумки сильное увеличительное стекло, принялся тщательно исследовать мрамор вокруг отверстия. Я едва удержался от торжествующего восклицания! Мрамор вокруг отверстия был испещрен едва заметными частицами обуглившихся электродов, которые осыпаются с зажигалок!

Очевидно, в продолжение бесчисленных веков радиозажигалка прикладывалась к этому отверстию.

Для чего? Ответ был для меня ясен: механизм замка приводился в действие световыми лучами, и я, Джон Картер, держал в руках нужную комбинацию

лучей, нацарапанную рукою моего врага на его собственной вещи!

В золотом браслете на моей руке был заключен мой барсумский хронометр, отмечавший секунды, минуты и часы марсианского времени. С необычайной тщательностью приступил я к операции: приложил зажигалку к отверстию и регулировал силу света посредством небольшой пружины, находящейся сбоку футляра.

Сперва в продолжение пятидесяти секунд я осветил отверстие тремя радиоединицами, затем в течение одной минуты дал ток в одну радиоединицу, наконец, в продолжение двадцати пяти секунд переменил его на девять радиоединиц. Эти последние двадцать пять секунд были самыми долгими секундами в моей жизни… Откроется ли замок по истечении этого бесконечного времени?

Двадцать три! Двадцать четыре! Двадцать пять!

Я потушил свет. Семь секунд я ждал. В механизме замка не было заметно никакого действия. Неужели вся моя теория оказалась неправильной?

Но что это? Вызвало ли нервное напряжение галлюцинацию, или дверь действительно шевельнулась? Медленно и беззвучно отодвигался в сторону массивный камень: нет, это не галлюцинация!

Дальше и дальше отодвигалась дверь, пока не открылся узкий коридор, который шел параллельно наружной стене. Едва проход раскрылся, как я и Вула проскочили внутрь, а затем дверь бесшумно закрылась за нами.

За поворотом я увидел слабое отражение света. Мы кинулись туда и очутились в небольшой круглой ярко освещенной зале. Из нее поднималась витая лестница, которая вела кверху.

Мы находились в самом центре храма Солнца. Спиральная лестница вела вверх мимо внутренних стен камер. Где-то надо мной была Дея Торис, если только Турид и Матаи Шанг не успели ее похитить.

Я двинулся вверх по лестнице, но Вула начал внезапно проявлять признаки самого дикого возбуждения. Он прыгал взад и вперед, хватая меня за руки и за пояс, и вел себя так, что я подумал, что он взбесился. Я оттолкнул его и снова ступил на лестницу, но он ухватился челюстями за мою руку и потащил обратно.

Ни крики, ни удары не помогали, он не выпускал меня, и я был во власти взбесившегося животного. Конечно, я мог бы левой рукой нанести ему удар кинжалом, но рука не поднималась убить верного друга.

Он потащил меня обратно в зал, к стороне, противоположной той, откуда мы вошли. Оказывается, там была другая дверь, которая вела в коридор, круто спускавшийся вниз. Без колебания Вула увлек меня и остановился. Встав между мной и дверью, он глянул мне в лицо, как бы спрашивая, хочу ли я добровольно следовать за ним, или он должен будет снова прибегнуть к силе.

Взглянув на правую руку, на которой четко выступали следы его страшных клыков, я решил идти за ним. В конце концов его необыкновенное чутье могло быть правильнее, чем мой человеческий разум.

Какое счастье, что я за ним последовал! Пройдя небольшое расстояние от круглого зала, мы внезапно попали в освещенный лабиринт проходов, отделенных друг от друга хрустальными перегородками. Сперва мне показалось, что это одно обширное помещение, так прозрачны были стены коридоров. Но после того как я несколько раз ударился о прочные стеклянные стены, я сделался осторожнее.

Мы прошли несколько футов, как Вула вдруг издал страшное рычание и кинулся на перегородку, находящуюся налево от нас.

Отзвуки этого ужасного воя еще отдавались в подпочвенных коридорах, когда я увидел то, что вызвало возбуждение верного пса. Далеко налево, как бы в тумане, сквозь многие толстые стены смутно виднелись фигуры восьми людей – трех женщин и пяти мужчин.

В ту же минуту, очевидно, испуганные воем Вулы, они остановились и оглянулись. Внезапно одна из женщин протянула ко мне руки, и даже на таком большом расстоянии я увидел, что губы ее зашевелились – это была Дея Торис, моя вечно прекрасная, вечно юная Дея Торис!

С ней были Тувия, Файдора, ее отец, Турид и трое жрецов. Турид издали погрозил мне кулаком, а двое жрецов грубо схватили за руки Дею Торис и Тувию и повлекли их за собой. Минуту спустя они скрылись в каменном коридоре позади стеклянного лабиринта.

Говорят, что любовь слепа. Но такая великая любовь, как любовь Деи Торис, узнала меня даже под личиной жреца, которую я на себя надел, и сквозь туманную даль хрустального лабиринта!

4. Потайная башня

У меня нет желания рассказывать вам монотонные приключения тех утомительных дней, в течение которых Вула и я совершали свой путь сквозь стеклянный лабиринт, сквозь темные, извилистые подпочвенные ходы под долиной Дор и Золотых Скал, пока, наконец, не вышли на склоны горы Оц, как раз над долиной потерянных душ. Это жалкое чистилище Барсума населено несчастными, которые не решились продолжать паломничество в долину Дор и не могли вернуться в страну внешнего мира, откуда они пришли.

Здесь след похитителей Деи Торис вел вдоль подножия гор, через крутые обрывы, по краю страшных пропастей, иногда заводил меня опять в долину, где мне не раз приходилось сражаться.

Наконец мы подошли к узкому ущелью, которое с каждым шагом делалось все круче и непроходимее, пока не очутились перед могучей крепостью, смыкавшейся с высокими скалами.

Это было тайное убежище Матаи Шанга, отца жрецов. Здесь, окруженный горсткой правоверных, жил хеккадор древней веры, некогда властвовавшей над всем Барсумом. Отсюда посылал он свои духовные наставления тем немногим народам, которые упорно продолжали держаться старой религии.

Солнце заходило, когда мы подошли к неприступным стенам старой крепости. Опасаясь быть замеченным, я спрятался с Вулой за гранитную глыбу в зарослях колючего красного кустарника, который покрывает бесплодные склоны Оца.

Мы лежали в кустах, пока не наступила полная темнота. Тогда я выполз и приблизился к крепостным стенам.

По небрежности ли, или из сознания полной неприступности убежища, массивные ворота оказались приоткрытыми. За ними виднелась группа стражников, весело смеющихся и занятых одной из непонятных мне барсумских игр. Ни один из них не принадлежал к партии, сопровождавшей Матаи Шанга и Турида. Поэтому, вполне полагаясь на свой маскарад, я смело прошел через ворота и подошел к ним.

Люди прекратили игру и взглянули на меня без признаков подозрения. Точно так же взглянули они на Вулу, недовольно ворчавшего.

– Каор! – произнес я марсианское приветствие.

Воины встали и поздоровались со мной.

– Я только что прибыл с Золотых Скал, – продолжал я, – и мне нужна аудиенция у хеккадора Матаи Шанга.

Где я могу найти его?

– Следуй за мной, – сказал один из стражников и повел меня через внешний двор ко второй крепостной стене.

Не знаю почему, удивительная легкость, с которой мне удалось обмануть их, не возбудила во мне никаких подозрений. Вероятно, мои мысли еще были полны мимолетным видением моей возлюбленной, и ни для чего иного не было места в моей голове. Как бы то ни было, но факт то, что я беспечно и добровольно последовал за своим провожатым прямо в объятия смерти.

Позже я узнал, что шпионы предупредили жрецов о моем приходе за несколько часов до того, как я достиг крепости. Ворота были оставлены открытыми нарочно, чтобы заманить меня. Стражники великолепно сыграли свою роль. И я, опытный воин, прошедший через столько опасностей, попал, как мальчишка, в расставленную мне ловушку!

В дальнем углу двора виднелась узкая дверь; сторож вынул ключ и отворил ее, затем, отступив назад, он жестом пригласил меня и сказал:

– Матаи Шанг во внутреннем дворе.

Я спокойно вошел с Вулой в открытую дверь, и она быстро захлопнулась за нами. Насмешливый хохот, донесшийся из-за толстой стены после того, как щелкнул замок, был первым предупреждением, что все не так гладко, как мне представлялось.

Я очутился в маленькой круглой комнате внутри стены. Передо мной была дверь, которая, по всей вероятности, вела во внутренний двор. Минуту я колебался. Во мне возникли подозрения. Однако, пожав плечами, я открыл дверь и шагнул во внутренний двор, освещенный факелами.

Прямо против меня возвышалась массивная башня высотой в триста футов. Она была красивой архитектуры в новом барсумском стиле; вся поверхность ее была покрыта орнаментом сложного, вычурного рисунка. На высоте тридцати футов находился широкий балкон, на котором действительно стоял Матаи Шанг. С ним вместе стояли Турид, Файдора, Тувия и Дея Торис – обе последние были закованы. Несколько воинов-жрецов охраняли их.

Когда я вышел во двор, все глаза стоящих на балконе устремились на меня. Злая усмешка искривила тонкие губы Матаи Шанга. Турид бросил мне какое-то оскорбление и с фамильярным видом, положил руку на плечо моей возлюбленной. Я увидел, как с яростью тигрицы обернулась она к нему и нанесла сильный удар своими цепями.

Он, наверное, убил бы ее, если бы не вмешался Матаи Шанг. Я сразу же заметил, что оба союзника казались не слишком дружески расположенными друг к другу. Матаи Шанг надменно и властно обратился к перворожденному, объяснив ему, что принцесса Гелиума является его личной собственностью и никто другой трогать ее не смеет. В обращении Турида с бывшим хеккадором тоже не было заметно особого почтения.

После того как недоразумение на балконе было ликвидировано, Матаи Шанг обратился ко мне:

– Человек Земли, – сказал он, – ты заслужил более страшную казнь, чем та, к которой наша слабая власть может приговорить тебя. Но чтобы смерть твоя сегодня была вдвое горше, знай, что как только ты умрешь, твоя вдова сделается на целый марсианский год женой Матаи Шанга, хеккадора жрецов. К концу же этого срока, как полагается по нашему обычаю, она будет смещена. Но она не будет вести спокойной и почетной жизни высшей жрицы в какой-нибудь святой обители, как это обычно делается. Она сделается предметом забавы моих помощников и, может быть, твоего врага датора Турида.

Он остановился и ожидал, очевидно, взрыва ярости с моей стороны, что еще больше увеличило бы сладость его мести. Но я не доставил ему такого удовольствия. И поэтому вызвал его ярость и увеличил его ненависть. Я был уверен, что в случае моей смерти Дея Торис найдет способ умереть раньше, чем им удастся опозорить ее.

Из всех святынь, которые жрецы почитают, самым святым является для них желтый парик, прикрывающий их лысую голову, и золотой обруч с драгоценным камнем, обозначающим принадлежность к десятому циклу. Зная это, я снял парик и обруч с головы и с пренебрежением бросил их на плиты двора. Затем я спокойно вытер ноги о желтые кудри, а когда с балкона раздались крики бешенства, плюнул прямо на священную диадему.

Матаи Шанг затрясся от гнева, но на губах Турида промелькнула довольная улыбка. Для него эти предметы не были священными. Боясь, что мой поступок доставил ему слишком много удовольствия, я воскликнул:

– Я поступил так же со святынями Иссы, вашей шарлатанской богини вечной жизни, перед тем, как бросил ее саму на растерзание толпы.

Эти слова прекратили веселье Турида. Он был одним из любимцев Иссы.

– Покончим с этим богохульником! – вскричал он, обернувшись к отцу жрецов.

Матаи Шанг встал и, перегнувшись через перила балкона, издал зловещий клич. Подобный клич раздавался в былые времена на маленьком выступе Золотых Скал, выходящем на долину Дор: жрецы созывали им полчища белых обезьян и растительных людей к нападению на несчастные жертвы, приплывающие по таинственной реке Исс к мертвому озеру Корус.

– Выпустите смерть! – закричал отец жрецов.

Немедленно внизу башни открылись двенадцать дверей и двенадцать злобных бенсов выскочили во двор.

Не в первый раз встречался я лицом к лицу со свирепым марсианским львом, но мне никогда не приходилось видеть перед собой целую дюжину их… Несмотря на помощь Вулы, в такой неравной борьбе мог быть только один исход.

Ослепленные светом факелов, звери на минуту остановились. Но вскоре глаза их привыкли к свету, они увидели меня и Вулу и, ощетинив гривы, с глухим ревом приблизились к нам, размахивая своими сильными хвостами.

В последнюю минуту своей жизни я бросил прощальный взгляд на Дею Торис. Ее прекрасное лицо выражало ужас. Глаза наши встретились, она протянула ко мне руки и бросилась бы вниз, если бы стражники силой не удержали ее. Когда бенсы были уже близко от меня, она отвернулась и закрыла лицо руками.

Внезапно мое внимание было привлечено Тувией из Птарса. Прекрасная девушка перегнулась через перила балкона, глаза ее возбужденно сверкали. Через минуту бенсы набросятся на меня, а лицо Тувии совсем не выражало печали. Я не мог понять загадочного взгляда красной девушки. Я знал, что выражение ее лица не могло означать радости при виде страшной трагедии, которая должна была вскоре разыграться. Оно имело какое-то скрытое значение.

На мгновение у меня мелькнула мысль положиться на свои земные мускулы и спастись от бенсов, прыгнув на балкон. Но как решиться оставить на съедение страшным зверям своего верного Вулу? Оставлять в беде товарища на Барсуме не принято, да это и не в характере Джона Картера.

Я только тогда понял причину возбуждения Тувии, когда с ее губ сорвался тихий мурлыкающий напев. Однажды я уже слышал его, когда Тувия созвала им свирепых бенсов и повлекла их за собой, как пастушка ведет стадо послушных ягнят.

При первых звуках странной мелодии бенсы остановились и повернули головы, желая найти источник знакомого зова. Вскоре они увидели красную девушку на

балконе и, повернувшись к ней, радостно зарычали.

Стражники подскочили к Тувии, чтобы оттащить ее, но прежде, чем им удалось сделать это, она успела что-то крикнуть зверям. Все как один, они повернули и спокойно направились в свои помещения.

– Тебе нечего их больше бояться, Джон Картер, – воскликнула она. – Они не причинят никакого вреда ни тебе, ни Вуле.

Это все, что мне нужно было знать! Теперь ничто не мешало мне прыгнуть на балкон. Я взял разбег, высоко подскочил и ухватился за нижний выступ балкона. На балконе поднялось дикое смятение. Матаи Шанг отшатнулся, а Турид подскочил с обнаженным мечом, чтобы столкнуть меня вниз.

Снова Дея Торис размахнулась своими тяжелыми оковами и отогнала его. Тогда Матаи Шанг грубо схватил ее за талию и потащил в башню.

Минуту Турид колебался, но затем, как бы боясь, что отец жрецов убежит от него с Деей Торис, тоже бросился за ними следом.

Одна Файдора сохранила присутствие духа. Она приказала двум стражникам скорее увести Тувию, остальным она велела остаться и помешать мне следовать за Деей Торис. Потом она обернулась ко мне и воскликнула:

– Джон Картер! В последний раз Файдора, дочь святого хеккадора, предлагает тебе свою любовь. Прими ее – и твоя принцесса будет возвращена ко двору ее деда, а тебя ожидает счастье. Ты не можешь спасти ее теперь. Откажись – и твою Дею Торис достигнет судьба, которой угрожал ей мой отец.

Они уже достигли места, куда даже ты не сможешь добраться. Если ты отвергнешь меня – тебя ничто не спасет! Дорогу в крепость святых жрецов тебе облегчили, но отсюда тебе выхода нет. Отвечай же!

– Ты уже знала мой ответ, Файдора, – ответил я, – еще раньше, чем произнесла свои слова. Дорогу! – закричал я стражнику. – Джон Картер, принц Гелиума, хочет пройти!

С этими словами я перепрыгнул через низкую балюстраду балкона и с обнаженным мечом встал, ожидая врагов.

Их было трое. Файдора, вероятно, догадалась, каков будет исход битвы. Она повернулась и убежала в ту минуту, когда я отказался от ее предложения.

Стражники не ожидали нападения. Они бросились на меня все трое одновременно, и в этом было мое спасение. Узкий балкон не позволял им развернуться, они толкались и мешали друг другу. А передний из них сам напоролся на мой меч.

Вид крови пробудил во мне старый боевой пыл. Мой меч летал по воздуху с быстротой и точностью, которая приводила в отчаяние двух оставшихся жрецов. Когда, наконец, я поразил одного из них, другой бросился бежать. Надеясь, что он побежит вслед за теми, кого я искал, я не стал его удерживать и опрометью бросился за ним. Лестница привела нас в небольшую комнату, стены которой были глухие, за исключением одного окна, выходящего на скалы Оца и долину потерянных душ.

Здесь, обезумевший от ужаса, жрец подскочил к стене, противоположной окну, и стал отчаянно царапать ее. Я сразу понял, что здесь был, вероятно, потайной выход из комнаты и приостановился, чтобы дать ему открыть дверь. Мне не нужна была смерть этого несчастного слуги – я хотел только найти путь к Дее Торис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/edgar-berrouz/vladyka-marsa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить